

ЕЛИЗАВЕТА ЕЛАГИНА

ИДолы ТЕАТРА

Елизавета Елагина

Идолы театра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623472

ISBN 9785449330680

Аннотация

Габриэль решается вспороть брюхо мира своих фантазий, и из него на сцену выползают змеи, шелестя гладкими телами и сверкая холодными глазами.

Содержание

Часть I. Небо	5
Эпизод 1	5
Эпизод 2. Горный поэт Анатолий	12
Эпизод 3. Школа искусств	14
Эпизод 4	15
Эпизод 5	18
Эпизод 6	20
Эпизод 7. Про огромного крокодила	23
Эпизод 8	24
Эпизод 9	25
Эпизод 10	26
Эпизод 11	30
Эпизод 12	32
Эпизод 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Идолы театра

Елизавета Елагина

© Елизавета Елагина, 2018

ISBN 978-5-4493-3068-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Небо

Эпизод 1

В глазах Принца отражалось небо. Облака паслись на безмятежных голубых просторах. День обещал только покой и свет.

Показывая небо внутреннее состояние Габриэля, раздражился бы шторм. Даже сидя в этот погожий день на траве со своим ближайшим другом, Габриэль ощущал, скалят внутри у него зубы лохматые страхи, хлопают крыльями ангелы и воют парки и музы. Стоило Габриэлю закрыть глаза, он слышал змеиное шипение, плач, похоронную музыку и грохот аплодисментов.

– О чем ты думаешь, Габриэль? – Принц улыбнулся, и солнце засияло еще ярче.

– Я хочу открыть театр и ставить в нем спектакли. Это было бы прекрасно. Тебе бы вот не хотелось стать актером?

– Я, Габриэль, всегда рад быть тебе полезным. Актеров мы найдем сколько угодно, лучше подумать о месте для твоего театра. Я буду тебе помогать.

Габриэль и Принц были близки, как братья. Габриэль привык к тому, что погода зависит от настроения Принца, а успех любого предприятия – от его участия. Он бы ни

за что на свете не взялся за дело, не заручившись поддержкой Принца.

– Спасибо, Принц. А ты о чем думал?

– А я думал о разных местах, в которые мне нужно зайти, и как было бы замечательно, если бы это солнце спалило их все дотла. Сегодня так солнечно. – Принц посмотрел в глаза Габриэлю, и тот с трудом удержался, чтобы не моргнуть, – таким ярким показалось ему солнце в этот момент. – Я так люблю тебя, Габриэль. Видишь большое белое облако, похожее на дракона?

– Я вижу большое облако.

– Видишь маленькое облако, которое дракон собирается проглотить? – Габриэль знал, что когда Принц заговаривает об облаках и прочих природных явлениях вместо того, чтобы прямо отвечать на вопрос, это значит, он сильно не в духе и вся лазурь, источаемая его взорами, – фальшь. – Это маленькая принцесса. Я не знаю, насколько это расстроит тебя, братишка, но ее я люблю не меньше тебя. Я бы гораздо охотнее взял в жены ее, чем ту уродливую деваху, которую мне приискал отец.

Отец Принца, жесткий и властный человек, решил, что пришла пора женить своего первенца. Слова Барольда в семье считались законом, не обсуждались и обычно не встречали сопротивления. Но Принц отчаянно не желал жениться на девушке, подобранной его отцом.

– Принц! Не говори так о своей будущей жене и матери

твоих детей.

– Да кто же тебе сказал, что я на ней женюсь?

– Твой отец это сказал.

– Я уже обручен. Я обещал маленькой принцессе, что спасу ее от дракона и женюсь на ней. Я же не могу нарушить слово. – В глазах Принца горела мольба, как будто Габриэль мог решить его судьбу. Солнце скрылось за огромным драконом. – Я не могу совершить преступление против Господа и Небесного Царства.

– Ну брось, братишка. Я не верю, что у твоего отца настолько плохой вкус. Быть не может, что она и в самом деле так уродлива, как ты говоришь. Уж во всяком случае, она наверняка покладиста.

– Замолчи! – Принц сделал над собой усилие, и на лицо Габриэля снова упал солнечный свет: тень прошла. – Больше ни секунды моей юности я не потрачу на толки об этой карге. Давай вернемся к театру. Знаешь Ральфа? С верфей. У него хорошая команда строителей.

– Принц! Театр – это не стены.

Несмотря на искреннюю привязанность, которую Габриэль питал к Принцу, говорить с ним о возвышенном ему было непросто. Габриэль задумался на секунду и встретил прямой нетерпеливый взгляд Принца.

– А что же, Габриэль? Давай для начала определимся. Иначе мы можем получить совсем не то, что хотим. Но даже в этом случае – я на твоей стороне, братишка. Я буду хо-

дить по всему городу, по каждой улице и убеждать людей, что призрак без стен – театр, а не иллюзия.

Габриэль принужденно засмеялся. Порой он поражался, как человек, начисто лишенный воображения, мог стать его лучшим другом и оказывать такое огромное влияние на его мысли и поступки.

– Принц, у меня сейчас нет для тебя хорошего определения, но вот что я могу тебе сказать. Театр – это игра, в которой ты ставишь на кон свою душу, а выигрываешь все, что только можешь вообразить.

– Очень похоже на дьявольскую западню.

– Но не беспокойся. Стоит только снять маску, и к тебе возвращается все.

– Деньги, которые мы вложим в театр, к нам точно не вернутся. Про душу не знаю. Предоставлю это тебе.

Габриэль порадовался, что не начал пересказывать Принцу содержание задуманной им постановки. Принц прочел на лице Габриэля недовольство и засмеялся.

– Знаю, знаю, братишка. У тебя от разговоров о деньгах начинает киснуть кровь. Повезло тебе, что ты на самом деле не мой брат. Поживи недельку под одной крышей с моим отцом – и у тебя бы выработался иммунитет.

Вдруг Принц заулыбался так, что Габриэлю стало жарко. Он знал, что это значит: в поле зрения Принца появилась Арабелла.

– Арабелла, Арабелла! Иди ко мне, моя красавица!

Принц раскинул руки и заключил Арабеллу в объятия. Ее огненные волосы горели на солнце, и Принц не мог оторвать от нее восхищенного взгляда. Они идеально дополняли друг друга. Принц поцеловал сестру в щеку, от которой – Габриэль был уверен в этом – пахло медом.

– Моя дорогая принцесса, милая сестренка, какие у тебя новости? – Улыбка не гасла на губах Принца, но глаза смотрели испытующе: он знал, что хороших новостей не услышит.

– Отец хочет тебя видеть. Он тебя повсюду ищет. Спрашивал о тебе Марса. Тот сказал, что ты ушел на верфи. На верфях люди уверены, что ты отправился на базар за подарком для твоей невесты. Торговка ожерельями сказала, что видела красивого юношу, который хотел утопиться, чтобы не идти к алтарю.

Лицо Арабеллы выражало осуждение и сочувствие. Она не играла в игры с влиянием на погоду – эта обязанность в семье лежала на Принце.

– Бедолага. Очень мне его жаль. Ну, а зачем я понадобился старику?

– Надо выбирать ткань для свадебного костюма. Родители Стелланы выбрали красную, и нам надо подобрать что-то, что будет хорошо сочетаться.

– Только голубой. Во что будет одета ведьма, не важно. Я буду в голубом. Я всегда представлял, что меня похоронят в лазурно-голубом одеянии.

– Постой. – Габриэль не смог удержаться. – Уродливая деваха, на которой ты женишься, – это Стеллана?

Принц печально кивнул.

Арабелла вскипела:

– Что? Ты так сказал про Стеллану?

– Да, я так сказал.

– Принц, ты ее не заслуживаешь, – сказала готовая разрыдаться Арабелла. Она устала слушать, как Принц клянет свою ни в чем не повинную невесту.

– Я ее совершенно не заслуживаю, – Принц покачал головой.

Габриэль был потрясен:

– Но, Принц, Стеллана для тебя идеальная партия! Красивая, статная, умная, богатая...

– Может, ты на ней женишься в таком случае? – с надеждой спросил Принц.

– Я... – Габриэль запнулся. – Но я же не...

– Вот и я тоже. – Принц мрачно кивнул. Он на секунду задумался и снова отбросил наваждение силой воли. – Арабелла! Мы строим театр.

Арабелла укоризненно покачала головой.

– Арабелла, подумай. Костюмы, маски, цветы. Цветы и цветы!

– Арабелла, ты не любишь театр? – робко спросил Габриэль.

Арабелла тепло улыбнулась. Габриэль обратился к ней

впервые с тех пор, как она пришла, и дал ей повод перевести взгляд с любимого, но слишком непостоянного лица брата.

– Я очень люблю театр.

Эпизод 2. Горный поэт Анатолий

Единственным знаменитым выходцем из Коралобоса был поэт Анатолий. Он читал стихи с горных склонов всем, кто мог его услышать.

Габриэль считал себя прямым потомком поэта Анатолия. Он верил, что его богатое воображение и неспособность видеть серые будничные краски не должны пропадать. И потом, он мечтал о славе – о славе драматурга, вещающего свои вирши толпе поклонников, собравшихся у подножия горы. Образ харизматического предка не давал Габриэлю покоя. В своих мыслях он забирался высоко на горные склоны – еще выше, чем пастухи, обзеревающие сверху скучающие стада овец. Габриэль мечтал о своей пастве.

И вот юноше пришла в голову мысль открыть в Коралобосе театр. В успехе предприятия он не сомневался – развлечений у местной элиты было немного. Горожане ходили в церковь, ходили в трактир, пили вино у себя дома или засыпали над книгами прославленных поэтов.

Габриэль взял изящное гусиное перо (наподобие того, каким водил бы по бумаге горный поэт Анатолий, записывая свои нетленные труды) и соорудил на кипе листов свое первое творение – пьесу «Торговец змеями».

Когда Габриэль поставил последнюю точку, на дворе стояла глубокая ночь, но поздний час не смутил потомка гор-

ного поэта Анатолия – и он помчался в горы.

Поскольку Габриэль был окрылен вдохновением, он забрался довольно высоко – на утес, бросившись с которого, можно было рухнуть в море. С этого утеса было хорошо видно, как устроен Коралобос. Город представлял собой три полосы. Первую полосу занимал богатый квартал, примостившийся у подножия гор. Отсюда родом были сам Габриэль, Принц, Арабелла, да и вообще все, с кем знался Габриэль. Богатый квартал спал сном праведника.

Вторую полосу занимало чистилище. Здесь были кое-какие поля и пустыри, где проводились ярмарки крупного рогатого скота, разъезды лошадей, устраивались сезонные оргии и заключались сомнительные сделки. В этот час тут было пусто и тихо.

Третью полосу занимали верфи. Здесь жили и трудились бедняки. Помимо морского промысла, здесь располагались мастерские самого разного толка, управляющие которых жили в пригорном квартале. Тут горели огни и слышались голоса. Для местного люда наступление ночи не обозначало конца трудового дня. Многие мастерские не закрывались до самого утра. Не закрывался до самого утра и местный кабаk. А посиди Габриэль на утесе подольше, почти до самого утра он бы слышал заунывную песню церковного сторожа.

Но потомок горного поэта довольно быстро наслаждался этим впечатляющим видом, продрог и стал карабкаться вниз.

Эпизод 3. Школа искусств

В Коралобосе была школа искусств. Туда первым делом и направился Габриэль с утра. Он пробежался по разным классам, поглядел на вальяжных художников, старательных скульпторов, общительного преподавателя литературы и простаивающие без дела лиры и добрался до актерского класса.

Ванда и Кристина сидели на полу и сплетничали, а Бастиан стоял посреди зала и собирался с духом.

Потомок горного поэта с облегчением подумал о том, что мучительное прослушивание проводить не придется и отказывать плачущим дарованиям в ролях тоже не придется.

Красавице Ванде Габриэль без колебаний отдал главную женскую роль. Кристина сказала, что это нечестно, но Габриэль ее утешил, объяснив, что роль служанки Серции не менее важна для сюжета (тут потомок горного поэта несколько слукавил).

Бастиан Габриэлю особенно понравился – он расположил драматурга своим честным видом и трагичной статьёй. Габриэль даже пожалел, что не написал для его героя ни одного монолога.

Эпизод 4

Габриэль был сыном священника. Приход его отца посещали люди благородного происхождения, обладавшие высоким достатком и прекрасными манерами. Выбираясь на воскресную службу, достойные прихожане надевали свои лучшие одежды. Габриэль обожал этот день. Ему нравилось, что приходя к его отцу, люди наряжались, как на бал, но вели себя при этом исключительно сдержанно и чинно. Ему нравилось наблюдать за поведением прихожан во время службы. Мужчины хмурили брови и сосредоточенно смотрели на потолок, женщины взволнованно вздыхали и теребили платочки или ароматизированные четки. Все это они проделывали с видом безграничного смирения и покорности.

Еще потомку горного поэта нравилось участие, которое прилежные прихожане принимали в его особе. Участие это было тем сильнее, что его несчастная мать умерла и в целом мире у бедного мальчика не осталось ни души, кроме отца, который каждую минуту своей жизни был занят тем, что отмаливал грехи своих щедрых прихожан и любовно выписывал им индульгенции.

Со дня трагичной кончины его бедной матери прошло уже лет двадцать, но сердобольные дочери города продолжали лить слезы, обращаясь к нему, называть его бедным сироткой и подносить скромные подарки вроде пряников, орехов,

марципана, изящных безделушек и расшитых вручную платков.

Когда в церкви проходила служба, Габриэлю нравилось забраться под самый свод и следить за порядком. Изредка порядок нарушался каким-нибудь шаловливым юнцом, которого за это тут же отчитывали. Габриэль любил наблюдать за этими сценами, набивая себе рот орехами.

В раннем детстве во время одной из таких служб Габриэль и обратил внимание на Принца и Арабеллу. Ему и раньше приходилось видеть семейство ювелира Барольда, но в этот день Сара, жена почтенного ювелира, произвела на него особенно сильное впечатление своими слезами и подарками. Сара была крайне сдержанной и даже холодной женщиной, но ей свойственно было порой впадать в приступы истого нервного возбуждения. Ее длинные сухие пальцы яростно стискивали четки из вишневого дерева, худое тело отчаянно раскачивалось, глаза были зажмурены, а губы шептали страстные молитвы. Барольд, в противоположность своей жене, сидел неподвижно и угрюмо смотрел прямо перед собой.

Дети этой всеми уважаемой пары, сидевшие по бокам от родителей, были похожи на двух маленьких ангелов. Рыжеволосая Арабелла, смиренно сложив руки на коленях, спокойно и радостно слушала песнопения, а Принц, откинув голову на обитую бархатом спинку скамейки, не тревожимый ни трясущейся рядом с ним женщиной, ни монотонным

голосом святого отца, безмятежно спал.

Габриэля это несколько задело. Он привык, что ребенок, неподобающим образом ведущий себя в церкви, должен быть наказан, и как можно скорей. Габриэль размышлял, какую бы злобную гувернантку ему натравить на непослушного мальчика, как тут Принц открыл глаза, встал, прошел по ковру, лежащему между скамейками, и вышел из церкви. Никто из его родителей не повел ни бровью, ни глазом. Тогда Габриэль тоже вышел на улицу. Принц сидел у входа и считал ворон. Габриэль поинтересовался у него, что это он вздумал спать во время службы. Принц ответил:

– Мой отец говорит, что усердие надо проявлять в жизни. – Габриэль хмыкнул. Он немного растерялся. Тут Принц показал на оттопыривающиеся карманы Габриэля. – Ладно, доставай свои пряники.

И Принц принялся жадно поглощать дары, которые Габриэлю преподнесла его мать. Своих деток Сара мало чем баловала, кроме полнейшего безразличия.

Эпизод 5

Когда Габриэль стал постарше, у него появилось новое любимое занятие. Он забирался за будку для исповедей и слушал басни, которыми прихожане кормили его отца. Потомок горного поэта Анатолия был в восторге от этих историй. Он хотел стать священником, когда вырастет. Надо сказать, что Габриэль был высокого мнения о тех людях, которые ходили к его отцу, и ни на секунду не предполагал, что их рассказы – правда. Однажды он позвал Принца послушать их истории вместе с собой.

– Это сущий кошмар, – сказал Принц после того, как они выслушали три исповеди. – Твой отец приносит огромную жертву, слушая все эти мерзости, но ты-то, братишка, зачем это делаешь?

– Но это же все... – Габриэль хотел было разубедить друга, но лицо у Принца было до того бледным, а глаза до того темными, что он осекся. После этого Габриэль перестал подслушивать исповеди, и видеть верных прихожан ему стало тяжело. Глядя на руки, которые гладили его волосы, глаза, которые сочувственно смотрели на него, на губы, нежно прикасавшиеся к нему, он не мог не думать про удары, которые наносили эти руки, зависть, что таилась в этих глазах, и ложь, с этих губ срывающуюся. Его мир не то чтобы перевернулся, но встряхнулся. Он стал меньше времени прово-

дить в церкви и больше гулять с Принцем.

Но идея непрерывного сочинения историй во имя Бога, и ради собственного прощения, и просто ради украшения этого мира не покидала Габриэля. К нему истории приходили постоянно. Он боялся и любил их.

Он хотел угодить и своим выдумкам, и Богу. Он жаждал славы.

Эпизод 6

Место для театральной постановки не замедлило найтись. Когда Габриэль привел своих актеров к руинам будущего театра, они не смогли не согласиться, что это место как нельзя лучше подходит для спектакля потомка знаменитого горного поэта Анатолия. Сцена здесь сохранилась со времен древних греков. Каменные ряды зрительских сидений располагались на возвышающемся горном склоне.

Это место виделось Габриэлю идеальными декорациями для воплощения его фантазий. Чем слушать предложения Принца о приведении театра в порядок, Габриэлю гораздо больше нравилось стоять в одиночестве посреди сцены и декламировать собственные пассажи, неизменно сменявшиеся бурными аплодисментами в его сознании.

Артисты должны были стоять ниже зрителей, а не возвышаться над ними так, как это делал Анатолий, но Габриэлю нравилось представлять, стоя на сцене, что его предок будет смотреть на него с высоты склонов.

– Дамы и господа, только сегодня! И только для вас. «Торговец змеями». *Моя дорогая, я здесь. У ног твоих моя душа. Решайся!* – У Габриэля была толстая стопка листов, написанных диалогами героев его пьесы. Репетируя в одиночестве, он часто импровизировал и обогащал свой и без того длинный и несколько сбивчивый сценарий. – *Решайся! Ко-*

гда с моим я встречаюсь Господином? Когда заберут меня ангелы неба? Когда?..

Габриэль замолчал и стал наблюдать за Принцем и Арабеллой, шедшим по амфитеатру. По их голосам – притворно насмешливому у Принца и нежно-печальному у Арабеллы – Габриэль понял, что речь идет о предстоящей женитьбе Принца.

– Да, Белла, я сражаюсь. Но это ведь естественно. Если бы тебя пытались утопить, ты бы стала сражаться?

– Принц, никто тебя не пытается утопить.

Принц распахнул объятия и заключил в них Габриэля.

– Мой дорогой Габриэль. Вижу, дела у тебя идут отлично.

И погода чудесная.

Принц поднял взгляд к лазоревому небу, и Габриэль отметил, что оно и вправду было исключительным.

– Хочешь, я приведу Ральфа с верфей? Он поможет тебе со сценой, и с декорациями, и с подсобным помещением.

– Честно говоря, Принц, я буду больше рад, если ты приведешь ко мне человека, у которого есть змеи.

– Змеи? – Принц засмеялся. – Змеи-то тебе зачем? Тебя уже утомила неминуемо грядущая слава?

Габриэля злила привычка Принца смеяться надо всем, чего он не понимал, и Габриэль решил сменить тему.

– О чем вы говорили на пути вниз? Я слышал, ты на что-то жаловалась, Арабелла.

– Она же постоянно жалуется.

Принц привлек к себе Арабеллу и поцеловал ее, но это Арабеллу не смягчило.

– Габриэль, поговори хоть ты с Принцем. Приближается день его свадьбы, и он делает все, чтобы ее расстроить. Родители невесты уже начали сомневаться.

– К сожалению, нет. – Принц поджал губы.

Габриэль хотел утешить Арабеллу и совершенно не мог подобрать слов. Единственное, что он знал твердо, – это то, что все капризы Принца не стоят и одной складки на ее челе.

– Арабелла, не волнуйся. Принц боится утратить свою необузданную свободу. Чем ближе свадьба, тем больше он паникует. Фронт пройдет, и небо опять разъяснится.

– Эй, Принц!

Наверху амфитеатра появилась тощая фигура Конрада – дрянного приятеля Принца. Несмотря на богатую одежду и туго набитый кошелек, Конрад всегда был похож на побитую собаку. Габриэль его терпеть не мог. Принц был рад Конраду, как лучу света, потому что его появление прерывало разговор о свадьбе.

– Что тебе, Конрад?

– Ты нужен на верфях! – гаркнул Конрад.

– Слава Богу, что не у портного, – прошептал Принц и резво побежал вверх по ступенькам. – Габриэль, я поговорю с Ральфом. А если увижу какую-нибудь змею, тоже зевать не буду!

Эпизод 7. Про огромного крокодила

Когда Принц и Арабелла были помладше, Принц любил страшить сестренку историями про ужасы, происходящие на верфях. Он смеялся до слез, видя, как Арабелла пугается, и только заметив, что она уже дрожит от страха под одеялом, прекращал рассказывать небылицы и говорил Арабелле, что он все это придумал.

Однажды Принц выдумал огромного крокодила, который вылез из воды и лег поперек улицы так, что своим хвостом он упирался в стену дома на одной стороне улицы, а зубами щелкал у дверей дома на другой. Всех маленьких оборванцев, пробежавших мимо, он ловил и проглатывал.

Эпизод 8

Барольд, отец Принца и Арабеллы, был человеком практичным. Он не боялся марать руки в грязи и иметь дело с бедными и полными праведного негодования рабочими на верфях, которые его ненавидели. На Барольда работали плотники, столяры, ювелиры, гончары и кузнецы как на верфях, так и в прекрасно оборудованных мастерских в богатой части города.

Так же практично Барольд относился к воспитанию своих детей. Он никогда не запрещал им ничего, кроме того, что делать было никак нельзя, и никогда не велел им делать ничего, кроме того, чего никак нельзя было не делать. С удовлетворением Барольд видел, что сможет со временем передать все свои дела Принцу. Предприимчивый, деятельный, беспринципный, Принц унаследовал все необходимые качества для дельца. Но не женить его на дочке торговца крупным скотом было никак нельзя, и в этом отношении Барольд был непреклонен. Его доводило до белого каления упрямство Принца.

Барольд не мог позволить Принцу послушаться его, а Принц унаследовал от отца неподатливость – отступить для него означало конец. Но он знал, что не подчиниться не сможет – и чах день ото дня.

Эпизод 9

– Ты влила в меня смертоносный яд предательства, и звезды больше не светят для меня. Змеиный яд мне слаще твоего вероломства. Долорес, где твое милосердие?

Принц, постепенно впадая в лихорадочное безумие, носился по верфям, пытаясь найти дело для каждого, кто встречался на его пути.

Арабелла больше из чувства преданности брату, чем по какой-либо другой причине, посещала репетиции Габриэля, терпеливо слушала его сумасбродные монологи и старалась его приободрить, но сама большой радости в театральных делах не находила.

– Габриэль, отчего все у тебя выходит так мрачно? Ты все толкуешь про предательства, змей и яды.

– А тебе, Арабелла, нравятся змеи?

– Нет, мне не нравятся змеи.

– Ты боишься змей?

– Нет.

– А я очень боюсь змей.

– Ты поэтому написал про них пьесу?

– Но мне нужно, чтобы на сцене была настоящая змея.

Эпизод 10

Габриэль думал, что Принц ходит в бары бедной части города, потому что жены бедняков более некрасивы, чем его невеста. В этом Габриэль был неправ.

Мало света падало из окон на заскорузлые руки рабочих и моряков, но все они обращали внимание на Принца, который занимал стол посреди заведения вместе со своими спутниками. Они были одеты так, как пристало одеваться тем, для кого портовый кабак – место неподобающее.

Марс и Конрад были худшими образцами потомства лучших горожан Коралобоса. Так полагал Принц. Он презирал их от всей души и видел насквозь их мелочные, пустые и мерзкие души.

Принц любил окружать себя чернью. Ему нравилось ощущать, как благородна кровь, быстро текущая по его жилам, как звучно колотится сердце у него в груди, как высоко вздымается лоб над его честными глазами. Он мнил себя господином, бросающим своим псам объедки и кости. Он мало думал о том, как псы пережевывают грязными зубами подол его белоснежного одеяния и тянут, тянут, тянут вниз и белое тряпье, и господское тело, и его хрустальную душу.

Принцу нравилось разглядывать в темноте лицо Марса. У него был слишком маленький подбородок, и оттого безвольным выглядел рот, но тем ярче горели во мраке угли его

восхитительных глаз. Когда Марс пил, его щеки непросто быстро становились пунцовыми, но совершенно очаровательным был его небольшой нос. Уши Марса всегда казались Принцу неприлично огромными, но они скрывались под богатством черноты его волос.

Марс напоминал Принцу одну из тех больших кукол, которых без конца дарили Арабелле, когда она была помладше. Сейчас он бы затруднился сказать, самому ли ему пришла в голову эта мысль или кто-то ему ее нашептал, но именно при приглушенном свете Принцу нравилось представлять, что Марс – его незаконно рожденный брат.

С полным ощущением собственного превосходства и даже некоторой примесью нежности он рассматривал несовершенные черты мальчика.

Смотреть на Конрада ему было неприятно. Его вид вызывал у Принца гадливость и какое-то нездоровое раздражение. В разговоре с Конрадом Принц обычно старался избегать смотреть на его рот, но оторвать от него взгляда он тоже не мог.

У Конрада были маленькие злые глаза, которые не доминировали над нижней частью лица и не перебивали впечатления, которая она производила. Когда Конрад улыбался, его узкие малокровные губы смыкались впереди и становились совсем белыми, так что казалось, что губ у него нет вовсе. При этом обнажались его клыки, придававшие Конраду и его тощей фигуре, нервно вздрагивающей от порывов ветра, зве-

риный вид.

В эти нелегкие для Принца дни оба его недостойных приятеля взяли на себя обязанность развлекать его и являться по первому зову.

Заметив, что Принц уже пьян настолько, что все чаще забывает притворяться веселым, Марс забеспокоился.

– Знаешь Розу?

Принц мигом встрепенулся. Он прихлопнул рукой стакан с янтарным ромом, заключая там на время все свои мысли.

– Знаю ли я Розу? Я бы не знал крошку Розу лучше, повись она на свет в моих объятиях.

– Тут поговаривают, она собралась замуж.

– Кто?

– Крошка Роза. – Марс никогда не велся на притворство Принца и сразу видел все его игры, но всегда доигрывал их до конца. – Скоро станет женой моряка.

– Что неотесанному моряку делать с крошкой Розой?

– Вот он. Бестолковый верзила.

Марс ткнул пальцем в стол у стены и заставил Принца развернуться.

Повысив голос, Марс позвал моряка:

– Вольф! Иди сюда!

От дальнего стола у стены отделилось несколько теней. Труженики верфей приблизились к столу господ. Впереди стоял Вольф. Со своей лодки ему доводилось видеть всякое, но никогда из воды на него не смотрел зверь, которого бы он

боялся больше, чем Принца.

Эпизод 11

Габриэль, в отличие от Принца, не чувствовал себя как рыба в воде, общаясь с бедными слоями городского населения.

Он привык к ласковому подобострастию прихожан, приходивших к его отцу, но не к корыстному подобострастию бедняков, мешавшемся с озлобленностью, страхом и плохо скрываемой ненавистью.

Он чувствовал себя грязным, ступая по узкой улице, перерезанной веревками, на которых сушилось тряпье. Габриэля тошнило от запаха псины, близости моря и еще чего-то томительного и постыдного.

Но богатые люди не разводили и не продавали змей.

Габриэль услышал тоскливую, беспокойную мелодию. Он пошел на нее, как будто его кто-то ухватил за капюшон и потянул силой. На входе в лачугу он запнулся. На земле стояла плетеная корзина, и в ней было живое тело. Ни головы, ни крыльев, ни даже определенной формы – только конечности. Тонкие, всегда подвижные, со всех сторон покрытые кожей, шипящие, свистящие, хрустящие и шуршащие.

Потомок горного поэта вошел в неосвещенную лачугу. Он почувствовал присутствие тела. В двух шагах и в пяти, в одном шаге и прямо рядом с его ушами раздавалось шипение. Было недостаточно светло, чтобы он мог различить отдель-

ных змей, и недостаточно темно, чтобы он мог не видеть движения тела.

Мелодия оборвалась.

– Вы ищите змей, юноша? – Немолодой, но человеческий голос выделился из толпы шипений и свистов. – Вы их нашли.

Эпизод 12

В другой темноте Принц обнимал за плечи своего нового приятеля – кузнеца Аарона. Аарон пришел к Принцу вслед за Вольфом, который, конечно, не нашел в себе мужества отказаться выпить вместе с сыном ювелира.

В этот вечер Принц чувствовал, что место в его сознании закончилось. Дым, ром и прочие несовершенства мира замутили его светлую голову. Он пытался сконцентрироваться на профиле кузнеца, но боковым зрением постоянно видел клыки Конрада.

– Ты тоже собираешься жениться, друг мой?

– Нет, мастер.

Рука Принца стягивала могучие плечи Аарона, как тесная рубашка.

– Нет? Чем же ты занимаешься?

– Я кузнец.

Принцу нравилось смотреть на сажу, размазанную по высоким скулам Аарона. Еще больше ему нравилось то, как почти пугающе Аарон был похож на Габриэля. Он наклонял голову то под одним, то под другим углом, пытаясь увидеть, при каком наклоне магия сходства пропадает. Но чары все никак не рассеивались. Принц достал шелковый платок и принялся стирать сажу с лица Аарона.

Конрад любил такие картины. Ради них он водил дружбу

с Принцем и был ему верен, как цепной пес.

Вольф сжимал кулаки и глядел в пол.

Конрад зашелся визгливым смехом. Принц поморщился.

– Я слышу лай. Где собака? Марс, уведи собаку. – Принц ухватил Аарона за подбородок, бессильно щуря глаза и домысливая то, что похитил мрак. – Ты похож на моего друга. Он думает, что достанет все звезды с неба. Он хочет свой театр, а еще он хочет жениться на моей сестре. Некоторые люди думают, что достанут все звезды с неба.

– Да, мастер.

– Ну, а ты? Чего тебе хочется?

– Мне ничего не хочется. Я забочусь о матери, она уже стара и плохо видит. Слава Богу, дела на кузнице идут хорошо. Работы хватает.

Принц закатил глаза. Аарон стиснул зубы. Он начал считать до ста, зная, что когда закончит, рука Принца уже перестанет впиваться в него и повиснет, как опущенный поводок.

– Работы хватает... Вот они – упования и надежды молодежи...

Эпизод 13

– С наступлением ночи моя жизнь не будет стоить и гроша. Ночь вернется, чтобы забрать своих детей. Эта ночь возвращается за мной.

Принц, прищурившись, смотрел, как Габриэль читает монолог, сражаясь сразу с двумя чудовищами: змеей, обвившейся вокруг его шеи, и ужасом, вызванным этой змеей.

Принц не знал, что прямо сейчас Габриэля тяготят еще два чудовища – Марс и Конрад сидели по бокам от Принца и с плотоядным наслаждением наблюдали, как Габриэль борется со своей неуверенностью и проигрывает ей.

Друзья Принца изучили рукописи Габриэля и теперь с особой радостью слушали, как дрожит его голос.

– Габриэль, разве ты не должен быть без одежды в этой сцене?

– Да, Марс. Но я же не могу положить змею себе на голое тело.

Габриэль умоляюще посмотрел на Принца. Принц покачал головой.

– Будь я директором твоего театра, я бы тебя уволил. Ты не справляешься с ролью. Ты всего боишься, – отрезал Принц.

В одном Габриэль был уверен твердо: Принц и его друзья ничего не понимают в театре.

– Если бы по сценарию мне нужно было кого-то зарезать и я бы отказался, ты бы и тогда сказал, что я всего боюсь?

– Ты бы мог притвориться, что вонзаешь кинжал в сердце Конраду. Притвориться, что на тебе нет одежды, тоже можно, но это требует мастерской игры.

Габриэль слушал Принца почти с ненавистью и думал о том, что кинжал в сердце Конраду он бы с радостью вонзил без всякого притворства.

– Перестаньте цепляться. Это не имеет никакого значения.

Принц забрал у Марса страницу.

– Если это не имеет никакого значения, то зачем ты пишешь: *«Теперь, мой Господин, с меня снято все, кроме моей кожи. Но с меня не смывает грех. Ты видишь, как на моей плоти блестит змеиный яд, втертый твоей вероломной рабыней?»* Вычеркни эти слова. С тебя еще много всего не снято, кроме кожи!

Габриэль задумался и отошел, чтобы посмотреть на своего героя со стороны, но место, на котором он представлял обнаженного мученика в змеях, оказалось пустым.

– Может, мне поставить туда статую? Это было бы символично.

– Что бы это символизировало, мой дорогой Габриэль? Твою бездарность? – В глазах Принца сверкнула молния, но Габриэль ее даже не заметил.

– Я могу нанять другого актера, – наконец произнес Габ-

риэль.

Конрад засмеялся.

– Много тебе придется ему заплатить, Габриэль. Появиться голым в одной сцене – не о таких ролях мечтают юные талантливые актеры.

У Принца в глазах вспыхнуло злое солнце, и он поторопился навязать Габриэлю свои услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.